Юрий Сотник

Дудкин острит

Д

Юрий Сотник

Дудкин острит

рассказы

Художник Е. Медведев

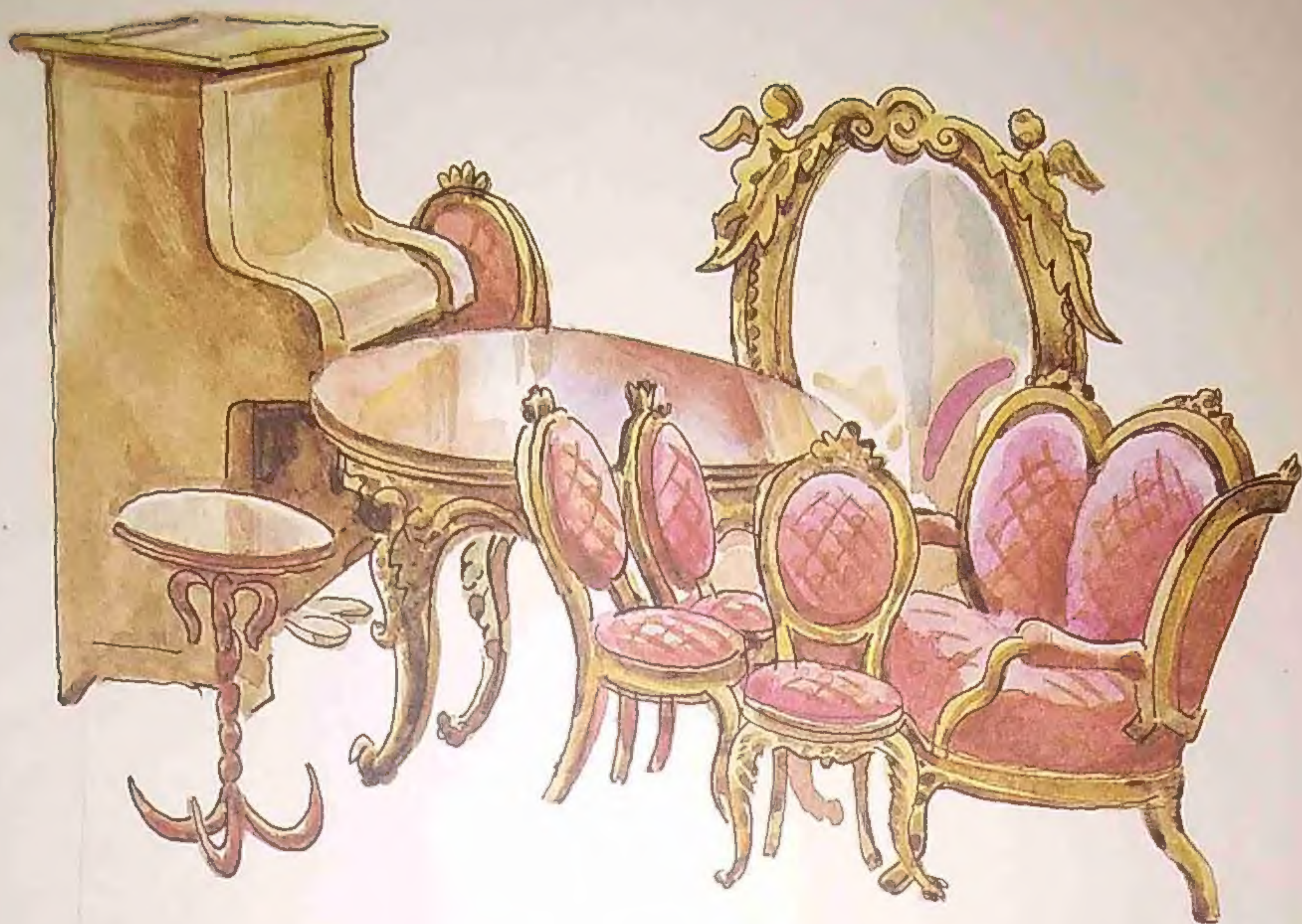
МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1991

ББК 84 Р7
С67

С $\frac{4803010201-071}{М101(03)-91}$ 302–90

ISBN 5–08–001515–2

ДУДКИН ОСТРИТ

Аглая, Дудкин, Брыкины и я были крупными знатоками по части меблировки. Наши семьи одними из первых вселились в новый дом, а после этого мы успели, наверное, раз семьдесят посмотреть, как вселяются другие. Мне кажется, нам были знакомы все фасоны диван-кроватей, шкафов и сервантов, которые выпускает наша промышленность.

Но к осени в нашем доме достроили последнюю секцию, стали въезжать новые жильцы, и однажды во двор приехала машина с такой мебелью, какой мы раньше не видели.

Почти вся она была сделана из какого-то особого, очень красивого дерева; ножки столов, мягких стульев с овальными спинками были изогнуты и все в резьбе, а на овальной раме большого зеркала лежали два «пацанёнка с крылышками» — так Васька Брыкин назвал амуров. Только пианино да шкафы были обыкновенные.

Не одних нас заинтересовала эта мебель. Взглянуть на неё подошли несколько взрослых, даже профессор Грабов подошёл.

— Старина! — вздохнула какая-то женщина.
— Старина... а вот не старьё,— заметил Дудкин.

Действительно, шёлковая малиновая обивка на стульях и на диване была новая, а все деревянные завитушки блестели приятным матовым блеском.

Профессор Грабов взъерошил Антошкины волосы и сказал:
— Молодец! Продолжай в том же духе!

Никто из нас не понял, чем понравились профессору Антошкины слова, но мы обратили на это внимание.

Нам показалось странным, что хозяева старинных вещей очень уж обыкновенные: бледная востроносенькая женщина в джинсах и здоровенный дяденька в старой майке.

Но вот последние вещи втащили на третий этаж, и грузовик с рабочими уехал. Буквально через минуту во двор вкатило такси, и тут нам стало ясно, кому принадлежит старинная мебель. Из машины вышла дородная прямая женщина, с очень пышными седыми волосами и розовым лицом, почти без морщин. Платье на ней было длинное.

— Во! Екатерина Вторая! — шепнул Дудкин.

Аглая и Зина хихикнули. Женщина и в самом деле походила на Екатерину Вторую, которую мы недавно видели в кино. Вслед за женщиной появилась девочка нашего возраста.

— Мама! Мы идём! — крикнул сверху мужчина.
— Сами управимся! — ответила «Екатерина Вторая».

Она расплатилась с шофёром, нагрузила девочку какими-то свёртками, сама взяла два больших чемодана и легко пошла с ними к подъезду.

— Спасибо, дорогой! — сказала она, когда Дудкин открыл перед нею дверь.

Девчонки пошли к управдому раздобывать сведения о новых жильцах и примчались обратно с вытаращенными глазами. Оказалось, что «Екатерина Вторая» — не кто иная, как заслуженная артистка республики Вера Фёдоровна Двинская.

На следующее утро Дудкин уехал с отцом по грибы. Аглая, Зина, Васька и я весь день слонялись по двору, ожидая, что внучка знаменитой артистки выйдет погулять и нам удастся познакомиться с ней. Но она всё не выходила.

Под вечер начались обычные мучения Сени Ласточкина и его старшего брата Бориса. Дело в том, что они построили кордовую авиамодель и вот уже неделю маялись, стараясь заставить её взлететь.

Сегодня у них тоже что-то не ладилось. Модель трещала бензиновым моторчиком, носилась большими кругами по асфальту, но отрываться от земли не хотела.

Вот тут-то и появились не только внучка Двинской, но и сама Двинская. «Екатерина Вторая» сразу очень заинтересовалась моделью. Она остановилась рядом с нами, сцепила руки перед грудью и стала смотреть во все глаза.

— Ты посмотри, как интересно! Ну просто копия самолёта! Оля! Да ты только взгляни!

А Оля, довольно хорошенькая девочка, смотрела на модель внимательно, однако без всякого выражения на продолговатом бледном лице.

— Занятный самолётик,— согласилась она.

— Бегает, бегает, а не взлетает! — переживала Двинская.— А почему он не взлетает? Или он не должен взлетать? Вот! Теперь совсем остановился!

Моторчик у модели заглох, и конструкторы принялись колдовать над ним. Тут появился Дудкин с кошёлкой, полной грибов.

— «Рождённый ползать — летать не может»,— сказал он громко и пошёл дальше в свой подъезд.

Двинскую он, кажется, не заметил, а та уставилась ему вслед.

— Ишь ты какой остряк! Оля, слышала?

— Остроумно сказано,— медленно и серьёзно проговорила Оля.

Двинская посмотрела на нас:

— Молодец какой! Он здесь живёт? В этом доме?

— Здесь,— ответила Зинаида.— Он ещё про вашу мебель сказал... Аглая, помнишь? Тогда ещё Антона профессор похвалил!..

Аглая кивнула:

— Ага. Он про вашу мебель сказал, что она «старина, а не старьё».

Это Вере Фёдоровне тоже очень понравилось.

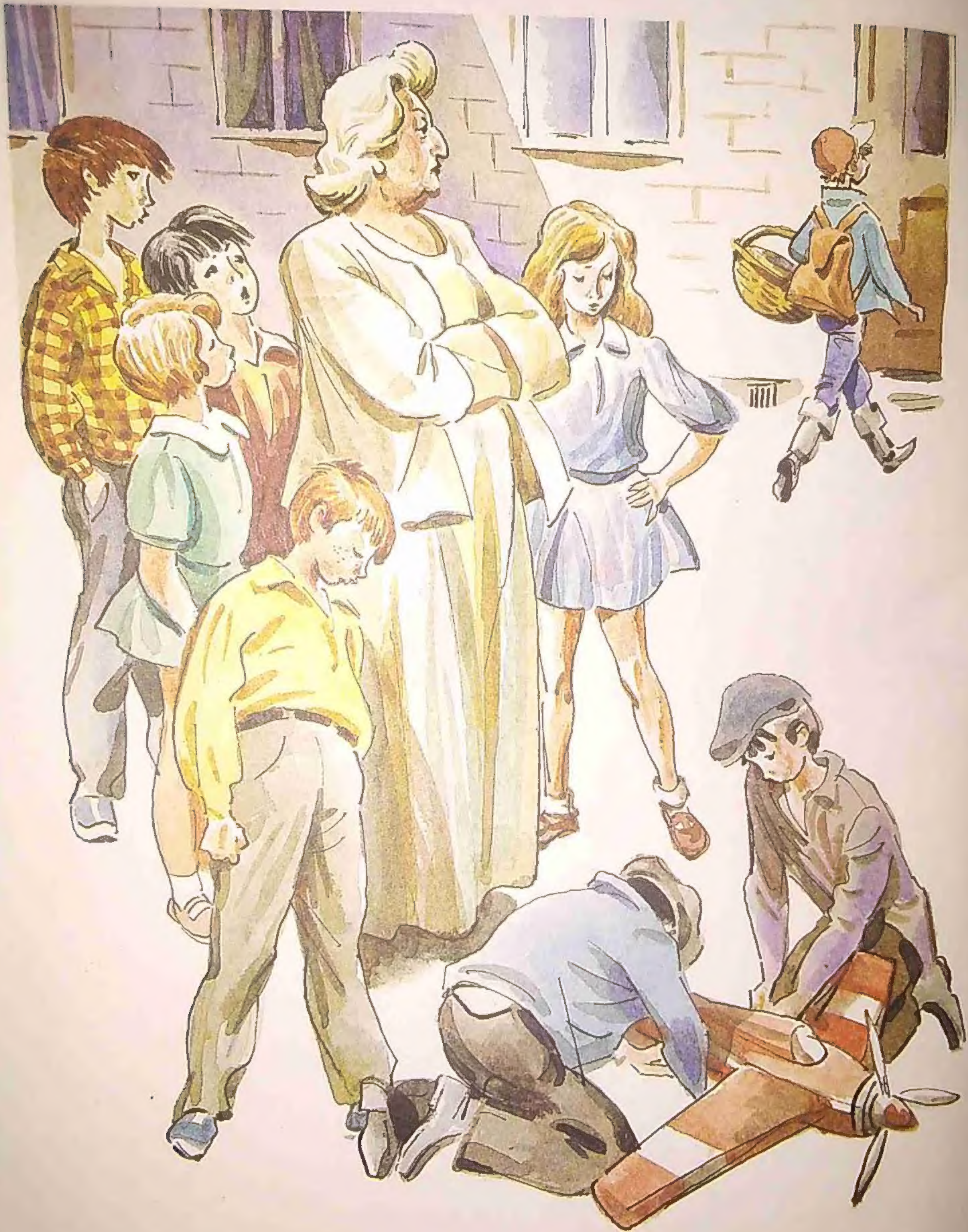
— Смотри, Оля, это уже не цитата, это он уже собственную мысль выразил... И как точно!

Тут Аглая сообщила Двинской, что Дудкин назвал её «Екатериной Второй». И это ей понравилось.

— Слушай, Оля! Да ведь это просто интересный человек!

— Остроумный человек,— согласилась Оля.

— Обязательно познакомьте нас с ним,— сказала Вера Фёдоровна.— Оля! Да ведь с такими острословами ты просто можешь светский салон открыть!

— Интересно будет познакомиться,— без всякого выражения проговорила Оля.

На следующее утро, сидя за завтраком, я услышал, как Аглая и Зинаида надрываются во дворе:

— Антошка! Дудкин! Антошка, выйди скорей!

Я появился во дворе в ту минуту, когда туда вышел Антон. Девчонки так и налетели на него. Приплясывая от возбуждения, они рассказывали, какой вчера получился разговор и как понравились Вере Фёдоровне и её внучке все Антошкины изречения.

— Она знаешь что про тебя сказала? Что ты очень интересный человек! — сообщила Зинаида.— Во как!

— Кто сказал? — вертел головой Антон.

— Да ну Двинская! — кипятилась Аглая.— Так прямо и говорит: «Это, говорит, наверное, исключительно интересный человек! Мне прямо, говорит, оч-чень, оч-чень хочется с ним познакомиться!»

— С кем познакомиться?

— Тьфу! Да у тебя в голове мозги или что? С тобой ей хочется познакомиться! С тобой!

— Кому?

— Господи!.. Ну Двинской! Артистке! Заслуженной!

— Глашк! Погоди! — перебила Зинаида.— И Оля эта... она тоже хочет с ним познакомиться. Она так и сказала: «Это очень интересный человек!»

— Нет, Зинка, ну что ты путаешь! Она «интересный» не говорила!

— Ага! Верно, не говорила! Она сказала, что ты очень... этот... остроумный человек, и потом говорит: «Я тоже... это... я ужасно, с большим удовольствием с ним познакомлюсь». Они из-за тебя какой-то салон даже открывать собираются!

— Выставку, что ли?..

— Не... какой-то другой... светский какой-то.

— Да ну вас! Дуры психованные! — вдруг обозлился Дудкин и ушёл домой.

Как видно, он подумал, что его разыгрывают.

После этого девчонки, наверное, полчаса завывали у него под окном: «Анто-ошка! Ну на мину-у-у-уточку! Ну вы-ы-ыйди!»

Но Дудкин так и не вышел к ним.

Зато после обеда он явился ко мне. Вид у него был серьёзный, озабоченный.

— Ты чего делаешь? Ты один?

— Один. А что?
— Так...
Мы прошли в комнату. Насупив брови, Антон заложил руки за спину и уставился на меня исподлобья.
— Слушай!.. Это правда, чего девчонки говорили?
— Правда,— ответил я.
Антошка ещё больше насупился.
— И значит, эта Двинская так и сказала, что я... ну, это... ну... остроумный?
— Нет, Двинская сказала, что ты интересный человек.
— Двинская?
— Ага. А Оля сказала, что ты остроумный.
Антошка присел на край дивана, подпёр подбородок рукой.
— Чёрт! А я думал, я просто так болтаю, безо всякого остроумия...— Он помолчал, потом взглянул на меня снизу вверх.— А по-твоему, я остроумный? Только честно!
Я никогда над этим вопросом не задумывался, но из деликатности ответил:
— По-моему, остроумный.
— И значит, они познакомиться хотят?
— Да. Я сам слышал.
— Вот чёрт! — Дудкин вздохнул так сокрушённо, что я спросил, почему его это огорчает.
— По-моему, для тебя только лестно, что с тобой хотят познакомиться Двинская и её внучка.
Он поднялся и заходил взад-вперёд.
— Тебе хорошо говорить — «лестно»! А мне... Они же познакомятся и всё время будут думать: вот, мол, интересный пришёл, остроумный! Вот, мол, сейчас чего-нибудь такое сострит! А чего я им буду острить, если я сам не знаю, что остроумно, а что нет!
Я понял, что положение у Антошки действительно трудноватое, но ничего дельного посоветовать не мог. Антон побыл у меня ещё немного, повздыхал и ушёл в подавленном настроении. Однако минуты через две снова раздался звонок. Это вернулся Дудкин.
— Лёшк...— сказал он, стоя в дверях.— А если я им так скажу: «Вы живёте на третьем, а я как раз под этим». Это остроумно будет?
Я слегка оторопел.
— А что это такое: «я как раз под этим»?
— Ну, в том смысле, что я на втором этаже живу. Правда, в другом подъезде... Но ведь всё равно же можно сказать, что «как раз под этим»?

— По-моему, это всё-таки не очень остроумно, — деликатно ответил я.

Дудкин помолчал, вздохнул:

— Вот я тоже думаю, что не очень... Ладно! Пока!

Прошло дня три. Аглая и Зинаида познакомились с Олей, и она прыгала вместе с ними через скакалку и играла в мяч. Антошкой Оля, как видно, не очень интересовалась, зато Аглае с Зинкой ужасно хотелось их познакомить.

А Дудкин как раз этого и боялся. Он даже не выходил во двор, когда видел там наших девчонок в обществе Оли. Если же родители посылали его в магазин, он сначала затаивался в подъезде, выбирая подходящий момент, затем выскакивал и летел к воротам с такой скоростью, что не видно было ни пяток его, ни локтей.

Глашка с Зинкой всё-таки засекали Дудкина и бросались ему наперерез. Погоня каждый раз была упорной, большой двор оглашался воплями:

— Антошка, погоди-и-и!

— Антошка, чего скажу-у-у!

— Да ну ладно вам! — хрипел на бегу Дудкин.— Ну некогда мне! Да ну отстаньте вы!

Однажды, когда девчонки вернулись после очередной погони, Оля тихо заметила:

— Всё-таки он какой-то странный, этот Антон.

— Чего — странный! Почему? — насторожилась Зинаида.

— Дикий какой-то.

— И ничего он не дикий! Просто стеснительный немножко!

— Ой, Зинка, ну что ты врёшь! — возмутилась Аглая.— Вовсе он не стеснительный, просто в нём гордости очень много!

А между собой наши девчонки решили: «Влюбился он в эту Ольку. Вот чего!»

Они были недалеки от истины. Антону очень хотелось познакомиться с Олей. Но девчонки не знали, что он дни и ночи мучается, стараясь придумать для этого что-нибудь остроумное. В эту Антошкину тайну был посвящён только я. По нескольку раз в день у нас звонил телефон и в трубке слышался усталый голос:

— Лёшк!.. А вот так остроумно будет: «Эх, Оля, Оля, какая у тебя тяжёлая доля»?

— А почему «тяжёлая доля»?

— Ну... ну, может быть, она на что-нибудь пожалуется. Может, скажет, что, мол, в школу скоро идти... ещё что-нибудь... Вот я ей и скажу.

— По-моему, не остроумно,— отвечал я и советовал: — Ты зря стихами начал острить. Ведь раньше ты прозой острил, и у тебя получалось.

— Знаю, что прозой... А вот сейчас всё почему-то в рифму... Ну ладно! Пока!

На четвёртый день вместе с Олей во двор вышла Вера Фёдоровна и объявила:

— Ну-с, уважаемые!.. С устройством квартиры у нас покончено, на носу начало учебного года, посему приглашаем вас в воскресенье к Оле на новоселье. Шампанского не обещаем, но чай со сладким будет.

Я первым догадался сказать «спасибо». Девчонки тоже поблагодарили, сказали, что обязательно придут, потом Аглая спросила:

— А Дудкину можно прийти?

— Это остроумцу-то вашему? Разумеется! Он будет украшением нашего раута! — Вера Фёдоровна вдруг подняла указательный палец: — Но одно условие, дорогие: все вы тут люди талантливые, театральной деятельностью занимаетесь... Олины друзья тоже

не без дарований. Так что давайте устроим маленький концерт. Пусть каждый выступит хотя бы с одним номером, но уж с таким, чтобы им можно было блеснуть.

Это было в четверг. С того же вечера началась подготовка к концерту. Все мы почему-то считали, что Олины друзья должны быть такими же необыкновенными, как мебель её бабушки, что все они по-настоящему талантливы, не в пример нам, грешным. Ударить в грязь лицом никому не хотелось.

Моя мама принялась разучивать со мной стихи Барто «Лёшенька, Лёшенька...». Аглаина мама призвала на помощь соседку, и та стала обучать Глашку с Зинкой танцу летка-енка. Проходя мимо раскрытого окна Аглаи, я слышал звуки хриплого магнитофона и видел две подпрыгивающие головы: одну — рыжую, другую — тёмную.

Всех удивил Васька. Он вдруг написал стихи. Никогда в жизни стихов не писал, а тут вдруг взял и выдал. О чём были стихи, Зина дала Ваське слово никому не говорить, но сказала, что стихи — «мировецкие».

А вот Антошка ходил как потерянный, и с каким номером выступать в концерте, он не знал. Девчонки ему, конечно, сказали, что он будет «украшением раута». Он так маялся, словно ему не в гости надо было идти, а к зубному врачу. Я однажды ему посоветовал:

— Ну что тебе мучиться! Выучи какое-нибудь стихотворение — и всё!

Он набросился на меня:

— «Выучи! Выучи!» Васька Брыкин такой лопух, а и то собственные стихи прочтёт. А я... Они знаешь что скажут? «Тоже мне украшение! Только чужие стихи учить умеет. Это каждый дурак сможет!»

На следующее утро, когда я ещё лежал в постели, раздался звонок. Через минуту мама заглянула в мою комнату:

— Лёша! Антон к тебе!

Мама скрылась, и вошёл Дудкин. Давно я не видел его таким весёлым. В руке он почему-то держал бутылку.

— Лист бумаги есть? — спросил он.— Давай скорей!

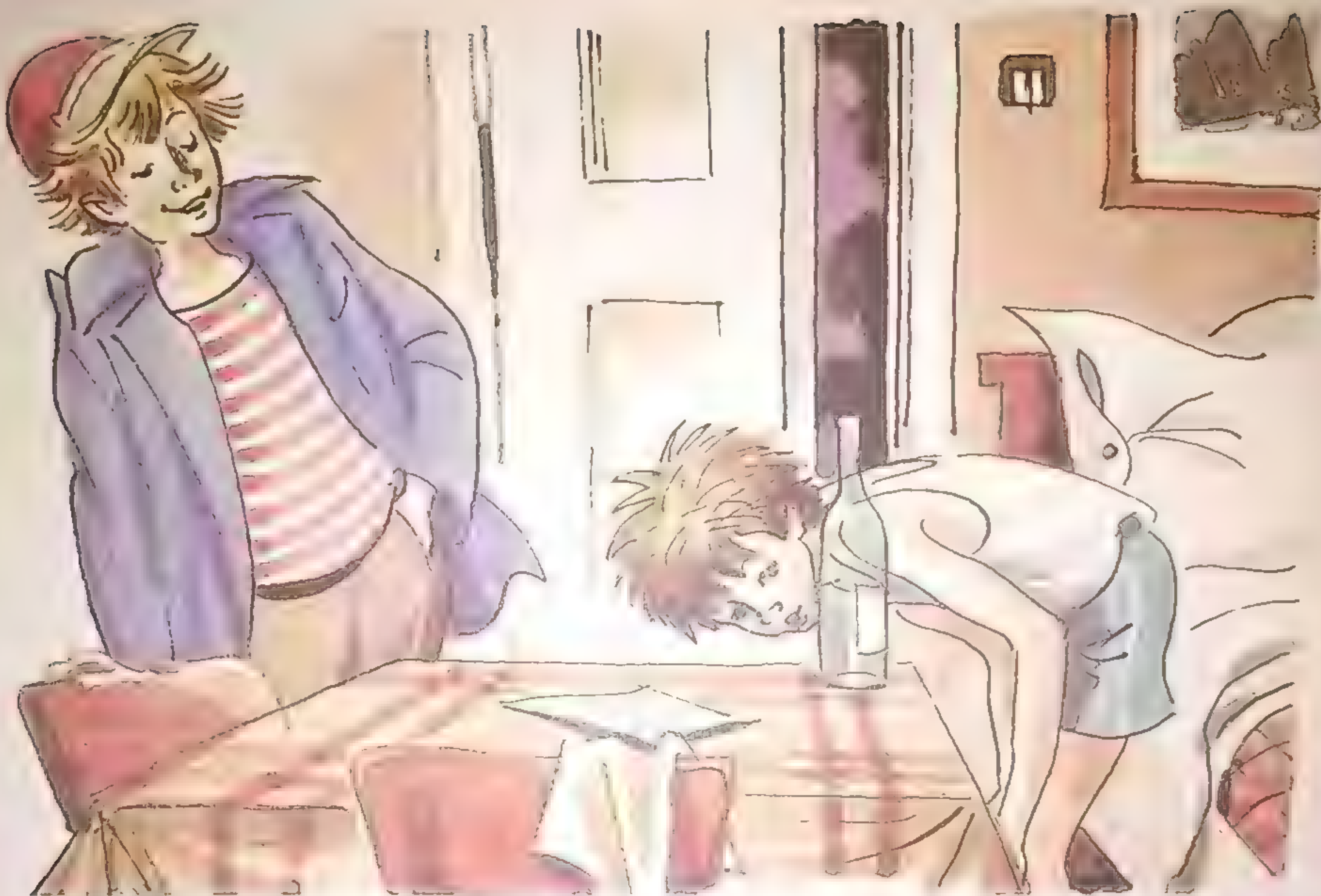
— Какой бумаги?

— Какой хочешь. Хоть газетной!

Я вырвал лист из какого-то старого журнала. Антошка положил лист на стол, поставил на него бутылку и сказал:

— Если я дёрну за эту бумажку, что будет?

— Разобьётся бутылка,— сказал я.

— Ладно! Теперь гляди! Только внимательно гляди!

Заложив руки за спину, Антон стал прохаживаться перед столом, делая вид, что разглядывает потолок моей комнаты и стены. Внезапно он схватил край бумаги, на которой стояла бутылка, и резко дёрнул за него. Бумага выскочила из-под бутылки, а сама бутылка осталась на столе, даже не шелохнулась.

— Видал! Это папин знакомый вчера к нам пришёл, меня научил. Тут главное — быстро дёрнуть. Если забоишься и тихо потянешь — хана! А если пошире какую-нибудь посудину и потяжелей, так можно не то что бумагу, а салфетку выдернуть!

С некоторой тревогой в душе я принёс небольшой горшок с алоэ, стоящий на тарелочке, подстелил под него носовой платок, и Дудкин этот платок великолепно выдернул.

Мы показали этот фокус Зинаиде и Аглае, и они пришли от него в восторг. Зинаида напомнила, что мы приглашены на новоселье, а новосёлам полагается делать подарки. Она предложила купить в складчину керамическую вазу для цветов, которая продавалась неподалёку, в художественном салоне, и стоила два рубля. Вазу тут же купили. Аглая принесла салфетку, белую хлопчато-

бумажную, на которой красными нитками был вышит страховидный котёнок. Дудкин несколько раз подряд выдернул салфетку из-под вазы, и всё обошлось великолепно.

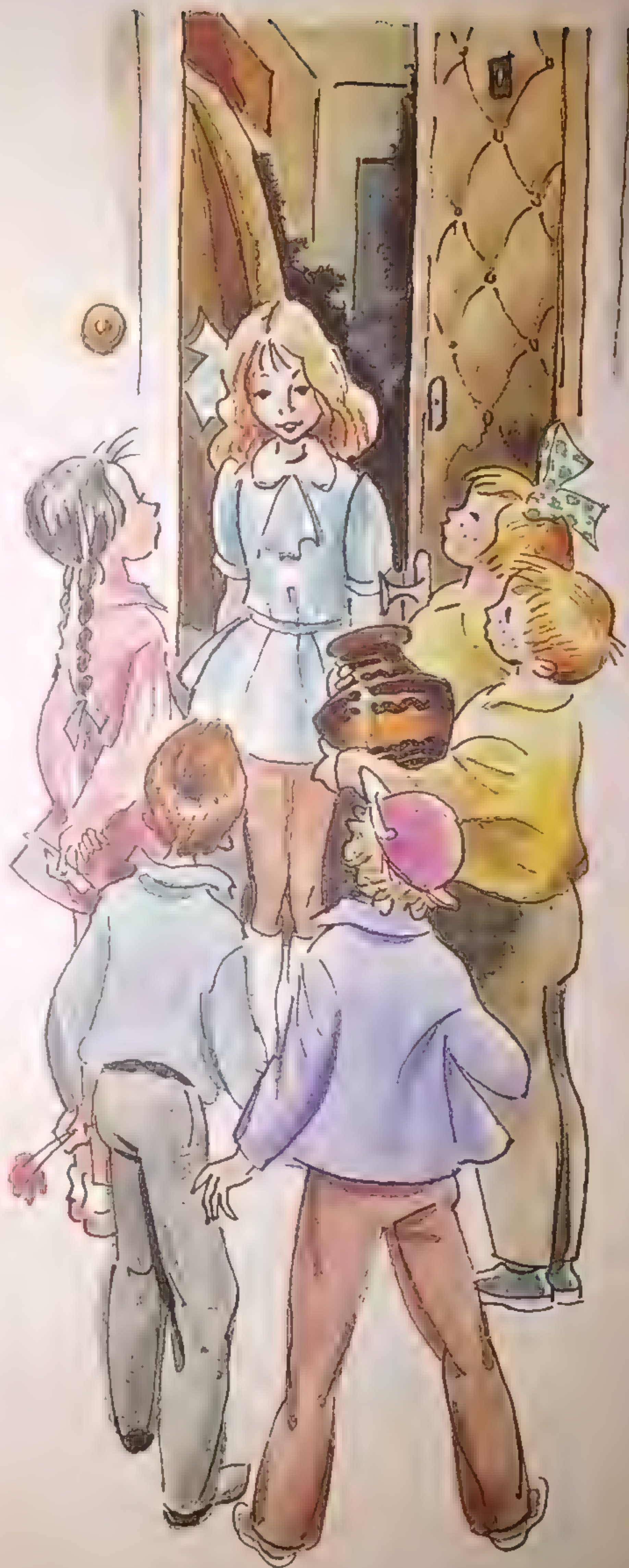
У Антошки словно гора с плеч свалилась.

— Мне теперь и острить не нужно! — радовался он, когда мы остались одни.— Я буду молчать, вроде бы совсем дурачок, а потом как подойду и как спрошу: «Что это за салфеточка?» Потом как дёрну, и сразу все поймут: «Это он только прикидывался дурачком! А на самом деле он — во какой!»

И весь остаток дня он тренировался. Тренировался и у меня дома и у себя. Когда ему надоело выдёргивать салфетку из-под вазы, он стал выдёргивать её из-под стакана с водой... Он даже выдернул её из-под круглого пенала, поставленного на попа.

И вот настало воскресенье. В половине пятого мы уже стояли на площадке лестницы перед квартирой Двинских. Васька держал в руках вазу, Аглая — свою салфетку, завёрнутую в бумагу.

Некоторое время мы подталкивали друг друга и шёпотом спорили, кому первому входить. Наконец решилась Аглая. Она позвонила. Ей

открыла нарядная и очень хорошенькая Оля, и мы все вслед за Аглаей втянулись в переднюю. Из комнаты вышла Вера Фёдоровна, а из кухни, которая находилась в конце узкого коридорчика, появились Олины мама и папа и ещё несколько взрослых.

Вера Фёдоровна поклонилась нам:

— Милости просим, дорогие гости! — И повернулась ко взрослым: — Разрешите вам представить: это — Аглая, это — Зина, это — её брат Вася, это — Лёша, а это, если я не ошибаюсь, сам Антон Дудкин. Некоторые его мо я вам цитировала.

При слове «мо» мы все переглянулись, а Дудкин почему-то скривил рот и часто заморгал.

Васька и Аглая вручили Оле подарки (взрослых привёл в восторг вышитый Аглаей кот). Потом Вера Фёдоровна объявила:

— Ну! Пусть взрослые идут к себе в кухню и нам не мешают.

Из комнаты уже давно выглядывали Олины друзья. Их оказалось только двое: толстый черномазый мальчишка в круглых очках с тёмной оправой и такая же черномазая девчонка, но тощая и востроносая. Нас познакомили. Мы вошли в комнату, куда Вера Фёдоровна внесла и нашу вазу.

— Куда же его поставить, ваш подарок? Пока сюда поставим.

Она поставила вазу на подоконник. Аглая подошла к ней и сказала:

— Нет, Вера Фёдоровна, вот так надо.

Она постелила свою салфетку на подоконник, а на неё поставила вазу.

— Понятно! - кивнула Вера Фёдоровна. — Салфетка, оказывается, в комплекте с вазой.

Она пригласила нас в смежную комнату и усадила на свои старинные стулья за овальный, накрытый для чая стол.

Сначала все, конечно, немного стеснялись, но Вера Фёдоровна сумела нас расшевелить. Она стала расспрашивать о школе, в которой нам предстояло учиться. Олины друзья стали рассказывать истории о своей школе... Словом, минут через пятнадцать все так перезнакомились, что Аглая с Лялей (черномазой девчонкой) принялись щипать друг друга за бока и очень при этом хохотали, а очкарик, рассмеявшись, так фыркнул чаем на скатерть, что Вера Фёдоровна похлопала наконец в ладоши и сказала:

— Леди и джентльмены! Убедительно прошу вас держаться в рамках элементарных приличий!

Молчали только двое. Молчала Оля — просто потому, что она всегда предпочитала слушать, а не говорить. Молчал Антон. Но мол-

чал он не просто так, а, я бы сказал, со значением. Он сидел на своём стуле прямой как жердь, чай отхлёбывал из ложечки и поглядывал на разговаривающих так высокомерно, словно за столом сидели не его сверстники, а воспитанники детского сада.

Вера Фёдоровна даже обратила внимание на него:

— Слушай! Что это ты такой молчаливый? Быть может, у тебя какая-нибудь печаль на душе?

Антошка и тут ничего не сказал. Он только прикрыл глаза и молча пожал плечами.

Вера Фёдоровна посмотрела на него.

— Ну, я вижу, ты у нас загадочная натура,— сказала она.

Мне показалось, что она шутит, но Дудкин принял это всерьёз. Физиономия у него сделалась довольной, щёки порозовели, а уши стали совсем красными.

Чай кончился. Вера Фёдоровна велела перенести стулья в первую комнату. Затем она вышла в коридор и позвала:

— Товарищи взрослые, просим на концерт!

Взрослые уселись на диване и на трёх стульях, поставленных в ряд перед ним. Мы разместились на стульях, расставленных вдоль стен.

— Ну! – обратилась к нам Вера Фёдоровна.— Кто самый храбрый? Кто начнёт концерт?

Вышел очкарик, расставил пошире ноги, заложил руки за спину и объявил:

— Маяковский, отр-р-рывок.— И, сердито уставившись на взрослых, начал: — «Я земной шар чуть не весь обошёл, и ж-ж-жизнь хор-р-роша, и ж-ж-жить хор-р-рошо».

Взрослые сидели ко мне боком, и я видел, как они сдерживаются, чтобы не расхохотаться, но когда очкарик кончил, они хлопали и кричали «браво».

Затем набрался храбрости Васька. Перед этим Зинаида сообщила, что он будет читать собственное стихотворение. Он вышел, покраснел, как рак, и выпалил:

С новосельем поздравляю
я вас всех,
И желаю всем здоровья
и успех.

Ему хлопали не меньше, чем очкарику.

Вера Фёдоровна спросила:

— Ну, кто следующий хочет выступить? Антоша, может быть, ты?

Антон и на этот раз ничего не сказал: только плечи приподнял и опустил. Аглая хихикнула, покосилась на вазу и потёрла ладошки.

Вера Фёдоровна не упрашивала Антона. Под её аккомпанемент Аглая с Зиной благополучно отпрыгали свою летку-енку. Наступила моя очередь. Пока я читал «Лёшенька, Лёшенька...», Ляля поднялась и куда-то вышла. Когда я кончил, Вера Фёдоровна снова села к пианино.

— А теперь — кабардинская лезгинка!

Она заиграла, и в комнату влетела переодетая Ляля. На ней был красный бешмет, красные сапожки и что-то похожее на белую папаху. На поясе болтался маленький кинжал.

Это уж был по-настоящему хороший номер. Ляля плясала так, что редкий мальчишка с ней сравнится. То она шла по кругу, вытянувшись в струнку, на одних только носках, то вдруг неслась широким шагом, зыркая чёрными глазищами и оскалив белые зубы. Видно, Вере Фёдоровне очень нравился танец. Она играла, глядя на Лялю

через плечо, и всё время улыбалась. Взрослые хлопали в такт и кричали «асса!».

И вдруг случилось такое: Ляля снова прошлась по кругу, приблизилась к окну, на котором стояла Антошкина ваза, раскинула руки, вскрикнула «асса!», поскользнулась и смахнула вазу с подоконника... Ваза разбилась, а Ляля хлопнулась затылком об пол.

Взрослые повскакали, стали спрашивать, как она себя чувствует, и танцовщица сказала, что с ней всё в порядке, что её голову защитила папаха.

Вера Фёдоровна принесла щётку и стала заметать осколки.

— Ну, Ольга, тебе повезло! Битая посуда — это к счастью.

Аглая, Брыкины и я сидели в одном углу комнаты, а Дудкин — в противоположном по диагонали от нас. Мы не издали ни звука. Мы только переглядывались между собой да смотрели на Дудкина.

А он сидел весь какой-то серый, сидел согнувшись, вцепившись пальцами в коленки и глядя в пол.

— Домолчался! — прошептала наконец Зинаида, и все поняли, что она хотела этим сказать: ведь Антошка не только никак не сострил, но весь вечер молчал дурак дураком, чтобы потом ошеломить всех фокусом с вазой.

— Ну, в заключение небольшой вокальный номер,— сказала Вера Фёдоровна, садясь за пианино.— Гурилёв. «Однозвучно гремит колокольчик»! Оля, прошу!

Оля стала к пианино, и тут мы впервые узнали, что она хорошо поёт, что у неё очень приятный голос. При первых же словах песни взрослые притихли. Даже я заслушался, на несколько секунд забыв про Антошку.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика...

В этот момент Аглая стукнула меня кулаком в бок.

— Лёшк! Гляди! — шепнула она и кивнула в сторону Дудкина.

Я взглянул. Недалеко от стула, на котором сидел Антон, стояла тумбочка. Единственная ножка её была вырезана в виде трёх змей, которые переплелись между собой. Три хвоста этих змей служили тумбочке опорой, а на трёх змеиных головах с раздвоенными языками покоился круглый верх тумбочки. На нём лежала шёлковая жёлтая салфетка, на салфетке стоял тяжёлый стеклянный поднос,

а на подносе — графин резного хрусталя и три таких же резных стакана.

Пока Оля пропела первые строчки песни, Антошка успел подняться и теперь стоял рядом с тумбочкой, разглядывая графин, поднос и особенно салфетку.

Васька и Зина тоже заметили это и заёрзали.

Столько чувства в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном...—

пела Оля, а в нашем уголке тревожно шушукались.

— Глядите! Приглядывается! Приглядывается! — зашептала Зинаида.

— Дёрнет! Вот гад буду, дёрнет! — шёпотом заволновался Васька.— Как только она кончит петь, так он... это самое!..

И припомнил я ночи другие,
И родные поля, и леса...

Дудкин неслышно подошёл к тумбочке с другой стороны и потрогал уголок салфетки.

...И на очи давно уж сухие
Набежала, как искра, слеза.

— Дудкин! — громко зашептала Зина.— Дудкин, слышишь? Ты не вздумай...

Но Антон был далеко. Он не слышал. Он вернулся на свой стул и сидел теперь прямо, скрестив руки на груди. Лицо у него было решительное. Даже, я бы сказал, вдохновенное.

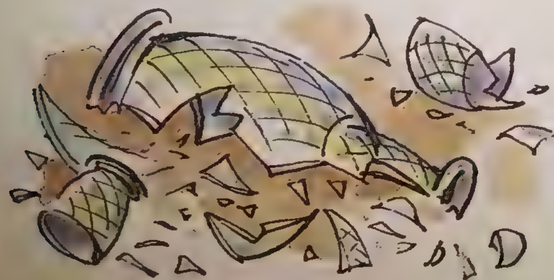
Аглая приподнялась и забубнила вполголоса:

— Антон! Дудкин! Ты давай не дури! Антон, слышишь?

Дудкин взглянул на неё и ничего не ответил. Вера Фёдоровна обернулась через плечо:

— Дорогая! Надо всё-таки уважать исполнительницу!

После этого мы перестали шептаться. Мы сидели съёжившись и ждали, что будет.

И умолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека.

Замолк ямщик, замолкла и Оля. Ей долго хлопали, по-

том Вера Фёдоровна объявила, что взрослые могут снова удалиться в кухню, что сейчас начнутся танцы. И тут Дудкин вскочил.

— Одну минуточку! – воскликнул он каким-то особенно резким голосом и подошёл к тумбочке. – Какая интересная салфеточка!..

— Антошка! Не смей! — взвизгнула Аглая.

Но было поздно: Антон рванул салфетку. Может, он и выдернул бы её, но тумбочка оказалась слишком шаткой. Она грохнулась на пол. Разбился поднос, графин и два стакана. Только третий почему-то уцелел.

Мёртвая тишина стояла в комнате секунд десять. Побледневшая «Екатерина Вторая» во все глаза смотрела на неподвижного Дудкина.

— Ну, знаешь, уважаемый...— выдавила она наконец дрожащими губами.— После такого... после таких штучек... Ты, надеюсь, сам догадаешься, что надо сделать.

Она протянула указательный палец в сторону двери.

Приподняв плечи, держа руки по швам, Антон молча прошагал в переднюю. Мы услышали, как хлопнула входная дверь.

Вера Фёдоровна снова сходила за щёткой, снова принялась подметать. Взрослые о чём-то негромко говорили, но я не слушал их. Я думал о том, сколько теперь придётся заплатить Антошкиным родителям за этот графин и каково теперь будет Антошке дома.

— Он что у вас — всегда такой? — сердито спросила Вера Фёдоровна Аглаю.

— Он не хотел разбить. Он хотел только фокус показать...

Вера Фёдоровна перестала подметать.

— Фокус?! Ничего себе фокус!

— Он хотел вот эту салфетку из-под нашей вазы выдернуть...— пояснила Зинаида.— А Ляля её разбила. Вот он, значит, и... ну... вашу...

Словом, мы рассказали, как готовил Антон свой номер, как мы покупали вазу... А Васька закончил наш рассказ:

— Он хотел неожиданно фокус показать. Чтобы остроумно получилось.

Вера Фёдоровна посмотрела на взрослых:

— Слыхали?

Те негромко засмеялись. Вера Фёдоровна повернулась к Аглае:

— А куда он убежал? Небось плачет где-нибудь...

Аглая только плечами пожала: мол, само собой разумеется.

— Подите приведите его!

Мы не двинулись с места, только переглядывались.

— Идите, идите! Скажите, что я не сержусь. Мне никогда не нравился этот графин: безвкусица!

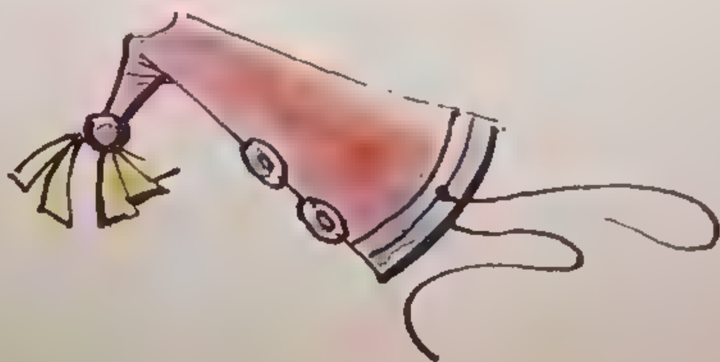
Мы побежали искать Антона, но нигде его не нашли. Потом выяснилось, что он до позднего вечера прошатался по улицам, боясь явиться домой. Но родители его так ничего и не узнали о разбитом графине.

Несколько дней подряд Антошка бегал от Двинских, а Вера Фёдоровна, встречая его, всякий раз звала:

— Эй, фокусник! Ну иди же сюда! Давай мириться!

Наконец Антон подошёл однажды к ней, и они подружились.

Дудкин скоро забыл, что он остроумный, и его временное поглупение прошло.

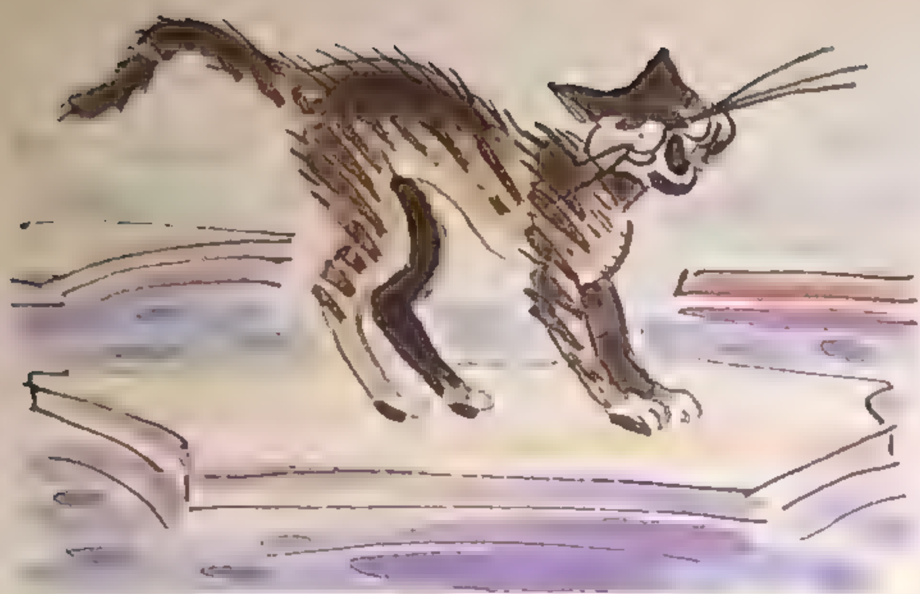
КАК МЕНЯ СПАСАЛИ

Дело было ранней весной. Мы с Аглаей пришли на речку, чтобы полюбоваться ледоходом, но он почти уже кончился. Вспухшая вода тащила теперь ледяную мелочь да всякий сор, а крупные льдины проплывали редко.

Мы сели на брёвна, сваленные на берегу, и стали грызть подсолнухи. Аглая щёлкала их лихо, бросая семечки в рот и выплёвывая шелуху метра на три от себя. Я с завистью поглядывал на неё и старался ей подражать, но у меня ничего не получалось. Каждое семечко я мусолил по целой минуте, подбородок и руки мои стали мокрыми от слюны, и к ним прилипала шелуха.

— Сегодня и глядеть-то не на что,— сказала Аглая.— Вот вчера — это да! Вчера такие льдины плыли — весь мост дрожал. А на одной льдине мы кошку видели. Бегает, мяукает!.. Мне так жалко её было... Просто ужас!

— Бывает, что и людей уносит, не то что кошек,— ответил я. —

На Днепре вот двоих девчонок унесло, а пятиклассник их спас.

Аглая покосилась на меня:

— Кто-о?.. Пятиклассник? Выдумываешь!

— Не веришь? Прочитай вчерашнюю «Пионерку». Девчонки маленькие были, лет по шести... Их на льдине стало уносить, и они попрыгали в воду, думали — мелко, и начали тонуть. А пятиклассник схватил большую доску, подплыл к ним на ней и спас.

— У!.. На доске! На доске и я бы спасла. А что ему было за то, что он спас?

— Какой-то грамотой его наградили и ценным подарком ещё. А в «Пионерке» даже портрет его напечатали. Погоди, у меня, кажется, с собой эта газета: я в неё бутерброд заворачивал.

Газета действительно оказалась у меня. Я передал Аглае скомканный листок. Шепча себе под нос, она прочла заметку «Отважный поступок Коли Гапоненко» и принялась разглядывать помещённый тут же Колин портрет.

— Во, Лёшка! Небось этот Колька не думал и не гадал, что про него в газете напечатают! Вчера был мальчишка как мальчишка, никто на него внимания не обращал, а сегодня — нате вам! — на весь Союз прославился.— Она вернула газету мне.— Вот бы нам кого-нибудь спасти!

Я промолчал: не хотелось признаваться, что я сам плаваю как топор.

— И чтобы наши портреты тоже напечатали,— продолжала Аглая.— Ты бы в чём сфотографировался? Я бы знаешь в чём? Я бы в новом берете, что мне тётя Луша подарила. Мы бы с тобой шли по улице, а нас бы все узнавали: «Глядите! Глядите! Вот те самые идут... которые спасли». Во было бы! Да, Лёшка?

Я пробормотал, что это, конечно, было бы неплохо. Аглая совсем размечталась:

— Лёшк! А в школе?.. Вот бы ребята на нас глаза таращили! А мы бы ходили себе, будто ничего такого и не случилось, будто мы и не понимаем, чего это все на нас так смотрят. Мы бы не стали воображать, как некоторые. Да, Лёшка? Ну чего, мол, такого осо-

сенного! Ну спасли человека и спасли — подумаешь, какое дело! Верно, Лёшка, я говорю?

Я молча кивнул. Аглая вскочила на ноги.

— А что, мы не могли бы спасти? — почти закричала она.— Вот если бы сейчас тут на льдине кого-нибудь понесло, думаешь, мы не смогли бы спасти?

— Смогли бы, наверное... Если бы на доске.

Аглая сжала худенькие кулаки, топнула сапожком по бревну, на котором стояла, и, подняв лицо к небу, замотала головой:

— Эх! Ну вот всё бы отдала, только бы сейчас здесь кого-нибудь на льдине понесло!

Я сказал, что надеяться на это не стоит, что такие счастливые случаи выпадают редко.

Аглая притихла. Она зажала указательный палец зубами и с минуту думала о чём-то, глядя на речку. Вдруг она села на брёвна и повернулась ко мне:

— Лёшк! А давай друг друга спасём.

— Как это — друг друга? — не понял я.

— По очереди: сначала я тебя, потом ты меня.

— Как это — по очереди?

— А так! Видишь льдину? Её чуток от того бревна отпихнуть, она и поплывёт...

— Ну и что? — спросил я.

— А вот и то! Неужели не понял? Ты стань на эту льдину, а я буду гулять по берегу, будто тебя не замечаю. А потом ты вон тем шестом оттолкнись и кричи: «Спасите!» Только громче кричи, чтобы люди с моста услышали. Они побегут тебя спасать, а я первая брошусь в речку, и ты тоже бросайся, и я тебя вытащу. И получится, вроде я тебя спасла.

Я даже отодвинулся от этой сумасшедшей и молча замотал головой.

— Во! Струсил уже! — воскликнула Аглая.

— Вовсе я не струсил, а просто... просто я не хочу лезть в холодную воду. Тут знаешь как можно простудиться!..

— «Простудиться»! Эх ты!.. «Простудиться»! Люди в проруби зимой купаются и то не простужаются, а ты несколько секунд помокнуть боишься. Ведь сбежится народ, так тебя сразу десятью шубами с ног до головы укутают.

— И ещё... и потом, я плавать... Одним словом, я плаваю не очень хорошо,— пробормотал я.

Аглая вскочила.

— Да зачем тебе плавать? — закричала она.— Ты погляди, тут воды по пояс! Мы только для виду побарахтаемся, и я тебя вытащу.

Я тоже приподнялся и посмотрел на воду. Берег в этом месте спускался очень полого. Даже в двух метрах от него можно было разглядеть консервную банку, белевшую под мутной водой. Похоже, что и правда утонуть здесь было нельзя, но я продолжал сопротивляться. Я сказал, что это вообще очень нехорошо и нечестно — обманывать людей.

— Вот чудак! «Обманывать»! — передразнила Аглая.— Какой же тут обман, если мы и в самом деле могли бы спасти, да нам случай не выпадает! Чем мы виноваты, что здесь никто не тонет? А хочешь совсем без обмана, так давай отплывай на льдине подальше, и я тебя взаправду спасу... А денёчка через два ты меня спасёшь, и тоже без обмана... Хочешь, я с моста сигану? На самой серёдке! А ты заранее доску приготовишь и меня спасёшь.

От такого предложения меня затряс озноб. Я промямлил, что слава меня вообще не так уж интересует.

— Тебя не интересует, ну и не надо,— согласилась Аглая.— Давай я одна тебя спасу.

Я и на это не согласился. Мы долго спорили. Аглая то ругала меня трусом, то говорила, что я самый отчаянный мальчишка во всём дворе, что только я могу отважиться на такое дело. Я не попался на эту удочку. Тогда она обозвала меня эгоистом паршивым. Я сказал, что эгоистка, наоборот, она: ей хочется славы, а я мокни из-за этого в ледяной воде. Мы совсем уже поссорились, как вдруг Аглае пришла в голову новая мысль.

— Ладно! Не хочешь мокнуть — не надо. Мы давай вот чего — ты становись на льдину, плыви и кричи: «Спасите!» А я брошусь в воду, протяну тебе шест и притащу тебя к берегу. Вместе со льдиной притащу, ты даже ноги не промочишь. Идёт?

Я почувствовал, что деваться мне больше некуда, что, если я и теперь откажусь, Аглая в самом деле примет меня за труса. С большой неохотой я согласился. Я только сказал Аглае, чтобы она не вздумала спасать меня без обмана, и ещё раз напомнил ей, что плаваю неважно.

Аглая сразу повеселела.

— Не! Мы тут, у бережка,— сказала она и, отбежав к тропинке, тянувшейся вдоль реки, приглушённым, взволнованным голосом стала меня торопить: — Иди! Я здесь буду гулять, а ты иди. Ты вон тем шестом оттолкнись и бросай его на берег. Иди! Ну, иди!

Однако я не двинулся. Переходить на льдину мне ужас как не

хотелось. Всё ещё стоя на брёвнах, я посмотрел на мост, видневшийся метров за пятьдесят от нас. Там шли люди, тащились подводы, с глухим гулом катились грузовики... Я повернулся и оглядел наш берег. Здесь не было домов. От самого моста тянулись дощатые заборы каких-то складов да фабрик, а дальше начинался луг. И на всём протяжении от моста до луга я не увидел ни одной человеческой фигуры. Только Аглая торчала на тропинке.

— Ну чего стоишь! Опять струсил? Иди! — сказала она сердито.

Я вздохнул и сошёл с бревна. Медленно скользя и увязая в раскисшей глине, добрался я до шеста и поднял его, испачкав руки. Льдина только самым краешком касалась берега, и мне пришлось сделать шаг по воде, прежде чем стать на неё.

Утвердившись на льдине, я взглянул на Аглаю. Она прогуливалась по тропинке, заложив руки за спину, разглядывая что-то в небе, и фальшиво распевала писклывым голоском:

Куда, куда вы удалились...

Вот она зыркнула на меня одним глазом, на секунду приостановилась, тихонько сказала: «Толкайся! Отталкивайся!» — и снова заверещала:

Весны моей златые дни...

Я мысленно говорил себе, что здесь мелко, что никакой опасности нет, что через минуту я снова буду на берегу. Но мне это не помогло. Тяжёлое предчувствие так угнетало меня, что коленки стали совсем слабыми, как после долгой болезни.

— Толкайся, дурак! — послышалось с берега. — Трусишь, да? Толкайся!

Что-о-о день грядущий мне гото-о-вит...

Машинально я упёрся шестом в камень, лежавший на берегу. Льдина не подалась. Так же машинально я попятился назад. Край льдины, касавшийся дна, теперь приподнялся, и она стала медленно поворачиваться вокруг сваи, торчащей из воды.

Пение на берегу прекратилось.

— От столба... от столба оттолкнись! — приглушённо донеслось оттуда.

Я оттолкнулся шестом от сваи и увидел, как берег, дощатый забор на невысоком косогорчике и стоящая у забора Аглая поплыли куда-то влево.

— Бросай шест! Махай руками! Кричи! — скомандовала Аглая, следя за мной краешком глаза.

Я бросил шест на берег, помахал немножко руками и сказал «спасите» так тихо, что сам себя не услышал.

— Э-эй! На помощь! — крикнула что было сил Аглая и понеслась с косогора к брошенному мной шесту. Скачок, другой, третий... Шлёп! Ноги Аглаи увязли, и она растянулась в грязи.

Мне бы нужно было спрыгнуть в воду да идти к берегу, но я этого не сделал. Я смотрел на Аглаю. Она вскочила, рванулась и снова упала. Когда она добралась наконец до шеста, я уплыл уже метров на пятнадцать вперёд. Подняв шест, Аглая побежала, с трудом выдирая ноги из грязи. Тут я увидел, что пологий берег кончился. Теперь в трёх метрах от меня тянулся невысокий, глинистый обрыв с пучками старого дёрна наверху. Вплотную к обрыву бежала тёмно-бурая вода, бежала быстро, закручиваясь водоворотиками, неся соломинки и щепочки.

«Всё! Так я и знал! Теперь всё!..» — пронеслось у меня в голове.

О чём я ещё тогда думал, я не помню. Кажется, ни о чём. Я стоял лицом к мосту, стоял согнувшись, широко расставив ноги, растопырив руки. Я даже не кричал, а только смотрел.

Вот я увидел, как Аглая появилась над краем обрыва и, волоча по дёрну шест, пустилась меня догонять. Вот она поравнялась со мной. Её пальто, коленки и даже подбородок были заляпаны грязью; бледное лицо было обращено ко мне, и маленькие тёмные глаза смотрели на меня так пристально, что казалось, она вот-вот оступится

и полетит с обрыва. Несколько секунд она бежала молча вровень со мной, потом слегка обогнала льдину, остановилась и опустила с обрыва шест.

— Прыгай! Прыгай! Тут близко!

Как она ни тянулась, но от конца шеста до меня было не меньше двух метров. Я молча проехал мимо.

Аглая снова обогнала льдину, снова остановилась и снова опустила шест.

— Прыгай! Тут близко. Плыви!

— Не умею. Совсем! — сказал я вдруг очень отчётливо и громко.

Аглая ничего не ответила. Она опять затрусила рысцой вдоль обрыва. По лицу её было видно, что она теперь уже не знает, зачем бежит.

— Ма-ма-а! — позвал я громко, тоже не зная зачем.

Аглая бежала, молчала и смотрела на меня.

— Ма-ма-а-а! — крикнул я ещё протяжней.

Вдруг Аглая взглянула куда-то вперёд, приостановилась, о чём-то думая, а потом рванулась и побежала так быстро, что конец шеста, который она волочила, запрыгал по бурой траве.

Очень медленно, осторожно я повернулся, чтобы посмотреть вперёд. Льдина колыхалась при каждом моём движении, ноги у меня тряслись.

Аглаю я увидел метров за десять впереди. Она уже не бежала. Она сидела на берегу, свесив ноги вниз. Возле неё под обрывом топорщился одинокий ивовый куст, нижние ветки которого мокли в воде.

Ещё не поняв, что хочет делать Аглая, я машинально нагнулся и вытянул руки вперёд. Дальше всё произошло очень быстро. Льдина почти поравнялась с Аглаей. Аглая, как была — в сапожках и в пальто, скользнула с обрыва. Всплеснулась вода, полетели брызги... Конец шеста, выброшенного Аглаей, заскрёб по краю моей льдины. Я сел на корточки и что было сил вцепился в мокрое дерево.

— Прыгай! — услышал я голос Аглаи.

Но я не прыгнул. Я только цеплялся за шест. Сначала меня потащило со льдины, потом ноги мои упёрлись в какой-то бугорок. Я увидел голову Аглаи в воде под кустом, увидел её красную руку с побелевшими косточками, цеплявшуюся за ветку, увидел другую руку, державшую противоположный конец шеста...

— Прыгай! Прыгай! — снова закричала она, но прыгать уже было не нужно: подтянутая шестом льдина причалила к берегу по другую сторону куста, да так удачно, что рядом с ней на обрыве оказался выступ.

Я перешагнул на него и даже ног не замочил.

Как я выбрался наверх, как вскарабкалась туда Аглая, я не запомнил. Я только помню, как она предстала передо мной в потемневшем от воды коричневом пальто, с забрызганным лицом. Некоторое время мы молчали и только смотрели друг на друга. Приоткрыв рот, Аглая дышала, как паровоз. Нижняя челюсть у неё дрожала крупной дрожью.

— Живой,— шепнула она тихо.

Тут я немного пришёл в себе и заплакал:

— Дура противная! Из-за тебя всё это!..

Я замахнулся на свою спасительницу, но она не заметила этого. Она смотрела через моё плечо куда-то вдаль.

— Бежим! Вот люди! Бежим! — закричала она и пустилась к ближайшему проулку между фабричными заборами.

Я оглянулся. От моста по тропинке вдоль берега, растянувшись неровной цепочкой, к нам бежали люди. Бежали мужчины, бежали женщины, бежали ребятишки... Впереди всех, уже метрах в пятидесяти от нас, переваливаясь с боку на бок, бежала толстая тётенька в чёрном пальто, с красной кошёлкой в руке.

Я повернулся и пустился к проулку вслед за Аглаей. Всю дорогу мы молчали, и лишь в воротах дома Аглая проговорила:

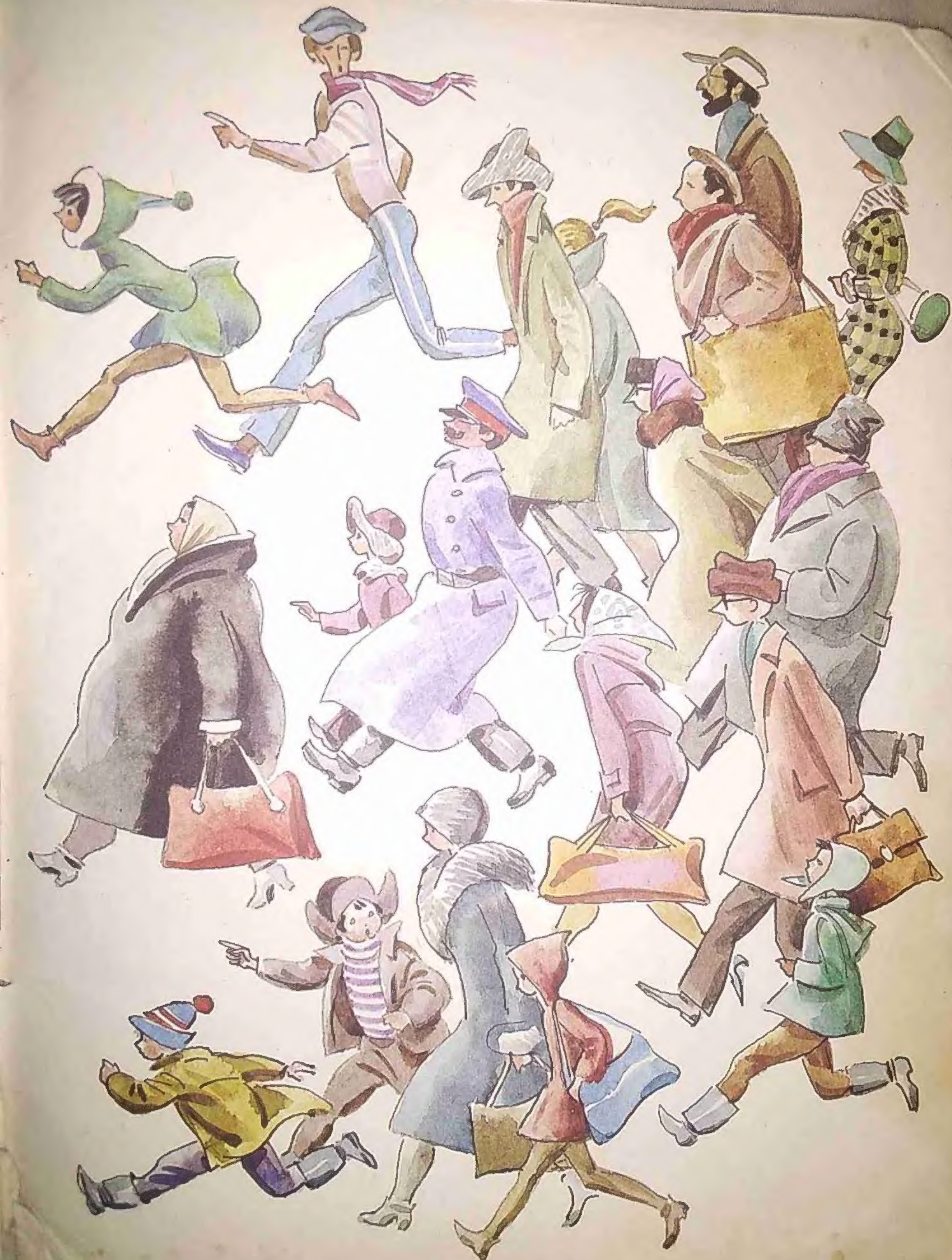
— Смотри никому не болтай, слышишь? Скажи, что я нечаянно в воду упала: стала на льдину, поскользнулась и упала... Слышишь? Заболею, наверное, теперь.

Аглая не заболела. На следующий день она вышла во двор как ни в чём не бывало. Я молчал о своей поездке на льдине, молчала об этом и Аглая.

О славе она больше не вспоминала.

Только теперь, через много лет, она позволила мне рассказать эту историю.

60 к.

Издательство

Сотник Ю. В.
С67 Дудкин острит: Рассказы/Худож. Е. Медведев.— М.: Дет. лит., 1991.—32 с.: ил.
ISBN 5—08—001515—2
Весёлые рассказы из жизни ребят.

С $\frac{4803010201-071}{М101(03)-91}$ 302—90 ББК 84 Р7

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сотник Юрий Вячеславович • **ДУДКИН ОСТРИТ** • *Рассказы*

Ответственный редактор *И. Е. Дубань*. Художественный редактор *Г. Ф. Ордынский*. Технический редактор *В. К. Егорова*. Корректор *Л. А. Лазарева*

ИБ № 11881

Сдано в набор 23.05.90. Подписано к печати 27.12.90. Формат 84×108 1/16. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 15,12. Уч.-изд. л. 3,05. Тираж 300 000 экз. Заказ № 4856. Цена 60 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

„Детская литература"

Сотник Ю. В.
С67 Дудкин острит: Рассказы/Худож. Е. Медведев.— М.: Дет. лит., 1991.—32 с.: ил.
ISBN 5—08—001515—2
Весёлые рассказы из жизни ребят.

С $\frac{4803010201-071}{М101(03)-91}$ 302—90 **ББК 84 Р7**

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сотник Юрий Вячеславович • **ДУДКИН ОСТРИТ** • *Рассказы*

Ответственный редактор *Н. Е. Дубань*. Художественный редактор *Г. Ф. Ордынский*. Технический редактор *В. К. Егорова*. Корректор *Л. А. Лазарева*

ИБ № 11881

Сдано в набор 23.05.90. Подписано к печати 27.12.90. Формат 84×108 1/16. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 15,12. Уч.-изд. л. 3,05. Тираж 300 000 экз. Заказ № 4856. Цена 60 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

